

Леопард издевался над Се Синьцянем — свирепее, чем когда-либо прежде.

Больше ста килограммов живой кошачьей массы втиснулось на узкий задний диван четырёхместного седана, да ещё рядом сидел Ли Вэньсю — так что леопарду не оставалось ничего, кроме как навалиться на Синьцяня целиком.

Тот снова поджал ноги на сиденье, чем дал леопарду очередной повод для наглости: зверь растопырил мягкие лапы и обхватил его, зажав между спинкой дивана и собственным брюхом.

Прикрыл так плотно, будто не хотел, чтобы Ли Вэньсю видел из него хоть что-то.

Синьцяню оставалось только страдать. Чувства были захвачены без остатка: куда ни погляди — янтарные глаза леопарда, в воздухе стоит лёгкая горьковатая древесная парфюмерия Ли Вэньсю, а протянешь руку — упираешься в жёсткую густую шерсть. Это была всего лишь сверхспособность, но сейчас она ощущалась как нечто живое, намеренно напрашивающееся под руку.

Синьцянь отодвинул ладонь в сторону. Туловище леопарда не дотянулось — зато хвост хлестнул со звонким «шлёп».

Хвост у леопарда был чёрным, блестящим, толстым и сильным. Сейчас он ласково обмотался вокруг запястья, и высвободиться при всём желании не получалось.

Синьцянь покосился на Ли Вэньсю.

По сравнению с собственным видом — смятым, растрёпанным — тот выглядел безупречно: костюм без единой складки, рубашка застёгнута под горло, ни малейшего намёка на неловкость. Хоть сейчас на международные переговоры.

Ли Вэньсю сидел с закрытыми глазами — чёткий профиль, холодное, бесстрастное лицо, будто вся нелепость происходящего его не касается. Только когда машина заложила поворот и свет уличного фонаря скользнул по его лицу, стало видно другое: бледная кожа, чуть сдвинутые брови. В безукоризненном облике проступала едва различимая усталость.

Синьцянь уже начинал злиться на леопарда — и вдруг всё раздражение как рукой сняло.

Эта история началась из-за него. Ли Вэньсю рисковал жизнью, чтобы вытащить его из передряги, — и он ещё будет недоволен, что леопард его немного полижет?

К тому же сам вызвался помочь с лечением. Да, леопард ведёт себя безобразно, — но всё это

происходит с его позволения.

Зная характер Ли Вэньсю: скажи он сейчас «нет» — и тот, скорее всего, больше не стал бы его беспокоить. Просто в одиночку пережил бы обострение.

А как он справлялся раньше — до того, как они познакомились?

Синьцзянь не видел его в такие моменты. Но судя по тому, как все сторонятся Ли Вэньсю, обострение так или иначе сопровождалось потерей контроля.

Он вспомнил, как Гу Синъе на корпоративе упоминал: выполнение заданий накапливает в Ли Вэньсю негативные эмоции, у него бывают вспышки агрессии — он даже причинял вред психологам, которые с ним работали.

Ли Вэньсю такой добрый человек. Если он в невменяемом состоянии сделает кому-то больно — как же ему будет горько, когда придёт в себя?

От этой мысли у Синьцзяня защемило.

Он снова взглянул на него. Брови, кажется, сдвинулись ещё плотнее. Рука, лежащая на колене, — жилистая, с проступившими венами — сжата в напряжении. Холодная сдержанность, за которой угадывается что-то похожее на тихое терпение.

Ему плохо?

Синьцзянь помедлил — и впервые сам потянулся к шелковистой шерсти леопарда.

Он не знал, чем ещё может помочь. Но раз зверю нравится жаться к нему — пусть. Потерпит.

За несколько минут Синьцзянь прошёл путь от обиды через злость и жалость к смирению.

Без всяких уговоров со стороны Ли Вэньсю — сам себя утихомирил.

Почуввав снисхождение, леопард тут же воспользовался им. Из мягкой подушечки выдвинулся коготь — одно скользящее движение, и пижама превратилась в клочья ткани, упавшие на пол.

Синьцзянь опешил. Не ожидал такой прыти.

А в следующий миг леопард, окончательно потеряв стыд, прижался к нему всем телом.

Шерсть у него была короткой — на ощупь гладкой и мягкой, — однако стоило ей коснуться кожи, как она превратилась во что-то царапающее и жгущее. Через несколько секунд кожа Синьцяня пошла пунцовыми пятнами.

Это слабое жжение наконец вернуло ему рассудок. Когда когти потянулись к пижамным штанам, Синьцянь перехватил огромную лапу обеими руками и произнёс с мрачным видом:

— Стоять.

Леопард замер. Лапу убирать не спешил — золотые зрачки уставились на него немигающим взглядом.

Встретившись с этим взглядом, Синьцянь почувствовал, как внутри что-то ёкнуло.

Глаза у леопарда были огромными и яркими — золото с отблеском, пронзительные до умопомрачения. Красивые. Только вот человеческого в них — ни капли.

Сейчас они буравили его насквозь, как взгляд зверя, выбравшего добычу. Звериная грубость и безграничная дерзость — и ничего больше.

Синьцянь сглотнул. Лапу всё равно не отпустил.

Пауза затянулась. Уступил в итоге леопард: от штанов отказался, зато перекинул лапу на плечо, придвинулся и принялся облизывать щёку.

Снова.

Язык скользнул по мочке уха и точно лёг на родинку у него за ухом.

Синьцянь был здесь щекотлив — невыносимо. Когда Ли Вэньсю касался этого места, он едва держался, и только потому что тот тогда явно был не в себе. Тогда он стиснул зубы и не отстранился.

Леопарду таких поблажек не полагалось.

Синьцянь поднял правую руку и решительно отпихнул здоровенную башку. Леопард недовольно прищурился — но он был кошкой, и движущаяся рука тут же перехватила его внимание.

Рука у Синьцяня была белой и тонкой, с синеватыми прожилками под бледной кожей — достаточно красивой, чтобы зацепить взгляд с первого раза.

Леопард потянулся цапнуть. Синьцянь не давался — покачивал рукой из стороны в сторону, как дразнят кошку. Огромная голова послушно следовала за движением, и от прежней свирепости не осталось и следа: перед ним был самый обычный огромный кот, прилипчивый и немного глуповатый.

Поиграв немного, Синьцянь сжалился и остановился. Леопард воспользовался моментом мгновенно: цапнул пальцы и принялся посасывать их с видом котёнка, которому не больше месяца от роду.

Усмирив леопарда, Синьцянь наконец смог задать вопрос.

Он посмотрел на Ли Вэньсю, который сидел с закрытыми глазами, и негромко позвал:

— Ли Вэньсю?

Не был уверен, не спит ли тот, поэтому голос получился тихим.

Через пару секунд мужчина, не открывая глаз, отозвался коротким «мм» и спросил:

— Что?

— Как вы нашли похитителя? — спросил Синьцянь; этот вопрос не давал ему покоя. — Я же не рассказывал вам про сообщение.

Ли Вэньсю открыл глаза и медленно проговорил:

— Помнишь, я говорил, что у трёх пропавших нашли нечто общее с тобой — и что следующей целью, скорее всего, будешь ты?

Синьцянь кивнул.

— Тогда я и забрал тебя к себе, — Ли Вэньсю без выражения поглаживал хвост леопарда. — Похититель не мог до тебя добраться — пришлось выманить тебя самого. Я попросил Управление поставить твой телефон на прослушку и вышел на него по следу.

До Синьцяня наконец дошло. Он даже немного растерялся:

— Звучит как-то... слишком просто.

Он ожидал чего-то куда более сложного. Вспомнив же, с каким героическим настроением шёл на встречу с похитителем, готовясь к худшему, Синьцянь почувствовал лёгкую неловкость.

— Высокоинтеллектуальных преступлений вообще немного, — сказал Ли Вэньсю. — Большинство реальных не отличается изощрённостью. Но ущерб от них это не уменьшает.

Неважно, импульсивное преступление или тщательно спланированное — жертвы страдают одинаково.

Синьцянь тут же вспомнил о троих пострадавших и торопливо спросил:

— С ними всё в порядке?

Уходил он второпях и так и не узнал, что с ними.

Ли Вэньсю и сам не знал — набрал кого-то по телефону и только потом ответил:

— Видимых травм немного. Психологически, скорее всего, досталось сильнее. Уже в больнице. Буду держать тебя в курсе.

— Слава богу. — Синьцянь выдохнул с облегчением. — Спасибо.

— Кстати, — добавил Ли Вэньсю, — у одного из них пробудилась сверхспособность.

— Пробудилась? — Синьцянь удивился и тут же заинтересовался: — Какая?

— «Хранитель», — сказал Ли Вэньсю. — Защищает выбранный объект от повреждений в течение определённого времени.

Синьцянь на секунду застыл, потом ощутил что-то тёплое.

Ли Вэньсю говорил раньше: сверхспособность рождается из самого глубокого желания человека — неизменного и единственного в своём роде.

Обычному человеку, попав в беду, трудно думать даже о собственном спасении. Тот, кто в критический момент думает о других, — редкость.

Оказаться в плену — и при этом заботиться о чужой безопасности. Тот, у кого в такую минуту пробудилась именно эта способность, должен быть человеком незаурядным.

— Он молодец, — сказал Синьцянь искренне.

Леопард уловил перемену в его настроении, поднял голову и негромко мяукнул — почти

успокаивающе.

Синьцянь потрепал его за ухом, потом снова сунул большой палец в пасть и мимоходом подумал, не купить ли зверю соску.

Дело было закрыто, и оставаться у Ли Вэньсю без причины Синьцяню было неловко. Но было уже далеко за полночь, тревожить водителя не хотелось, — пришлось переночевать.

День выдался насыщенный, все устали. После беглого умывания Синьцянь лёг спать.

Проснулся он в одиннадцать утра. Умылся, натянул толстовку и спортивные штаны.

Перед тем как собрать вещи, решил предупредить хозяина. Вышел из комнаты — и обнаружил, что гостиная пуста. Кабинет, кухня, кинозал — нигде ни души. Только под журнальным столиком притаилась длиннохвостая чёрная кошка и настороженно смотрела на него.

Синьцянь остановился.

Вот оно что. Та самая кошка с аватарки Ли Вэньсю. Вчера он так переживал из-за дела, что совсем забыл о её существовании.

В отличие от прилипчивого леопарда, эта была дикой. Огромные глаза глядели с осторожным любопытством — вроде бы с интересом, но стоило Синьцяню сделать два шага вперёд, как кошка тут же шмыгнула в угол и не подпускала к себе ни в какую.

Он лёг на пол и долго смотрел на неё, но так и не добился ни малейшего расположения.

Наверное, так устроен мир: недоступное притягивает сильнее всего.

Когда леопард сам лез к нему, Синьцянь шарахался. А теперь эта маленькая недотрога дразнила его своей близостью-далёкостью, и чем дольше он смотрел, тем больше хотелось завоевать её доверие.

Он поискал взглядом игрушечную удочку для кошек. Обошёл гостиную — ничего. Видимо, Ли Вэньсю держал кошку в той же невозмутимой манере, что и всё остальное: никаких глупостей вроде удочек.

Раз инструментов нет, Синьцянь лёг на пол и попробовал притвориться сородичем.

— Мяу-у-у, — осторожно произнёс он.

Кошка повернула голову. Кажется, шагнула чуть вперёд.

У Синьцяня внутри всё радостно встрепенулось. Он заработал активнее:

— Мяу! Мяу, мяу!

В этот момент дверь соседней комнаты открылась.

Синьцянь инстинктивно вскинул голову — и увидел Ли Вэньсю в дверном проёме.

Тот, похоже, только проснулся: светло-бежевый лонгслив, широкие серые спортивные штаны, волосы растрёпаны, лицо расслабленное. Увидев открывшуюся перед ним картину, он впервые за долгое время выглядел растерянным.

Синьцянь застыл, не в силах пошевелиться.

Несколько секунд спустя до Ли Вэньсю дошло, что происходит. Он замер с видом человека, у которого много что на языке, но не знает, с чего начать.

Синьцянь:

«...»

Ничего страшного. Просто игрался с кошкой. Лечь на пол и помяукать — совершенно нормально.

Он принялся убеждать себя. У кого есть кошка — тот поймёт. Все так делают. Именно так и приручают котов.

Да, поза вышла немного... красноречивая. Задом кверху, и прямо в сторону Ли Вэньсю. Но это вынужденная позиция. Котик прятался, вот и пришлось смотреть снизу. Всё в рамках нормы.

Совершенно не о чем смущаться! Кошка с ним в прятки играла, он лёг — так и положено!

После долгих внутренних уговоров Синьцянь взял себя в руки и уже почти непринуждённо начал подниматься с пола.

Но в этот миг где-то позади щёлкнул замок, и входная дверь распахнулась.

В канун Нового года Ли Синь появился на пороге при полном параде — строгий костюм,

позади двое ассистентов с руками, занятыми подарочными пакетами.

А в гостиной Се Синьцзянь стоял на четвереньках, задрал зад в сторону Ли Вэньсю.

Ли Вэньсю застыл у него за спиной с непроницаемым лицом.

Картина была... исчерпывающей.

Синьцзянь: «...»

Ли Вэньсю: «...»

Ли Синь: «...»

<http://bllate.org/book/19727/1946596>